

НАТА ЧЕРНЫШЕВА

ВЕДЬМИНО ПОДВОРЬЕ

Ната Чернышева

Ведьмино подворье

<https://litres.ru/74625692>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда едешь на пару дней провести по настоянию семьи дальнюю пожилую родственницу, но застреваешь в деревне Новогадюкино на всё лето, потому что

в курятнике живёт райская птица, собаки за забором на деле вовсе не собаки, местные бабки варят не только варенье, однажды просыпаешься с хвостом, а из горла рвутся проклятия на языке сов.

Медведь? Какой ещё медведь?! Да так, всего-то навсего оборотень, беролак по-научному, подумаешь.

Прибить, накормить или влюбиться?

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	20
ГЛАВА 3	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Ната Чернышева

Ведьмино подворье

ГЛАВА 1

– Какое ещё Новогодьюкино по пути, мама?! – возмутилась я. – Ты карту видела? Мне совсем в другую сторону!

– Ничего, ничего, сделаешь крюк, – ласково защелбала мама. – Наину Весемировну проведать надо, гостинцев опять же привести...

– Какие ещё гостинцы... – и тут взгляд мой упал на огромный ящик, крест-накрест проклеенный скотчем яндекс-доставки.

– В Новогодьюкино курьер ехать отказался, – вздохнула мама. – А баба Ная очень просила привезти заказ. Ну... Ну только ж у тебя такая вместительная машина, Улечка. Не подведи.

Уля – это я. Думаете, Ульяна? Уже. Пульхерия!

Спасибо всё той же бабе Нае. Пока мама с папой щёлкали клювом, умиляясь новорождённой дочурке, деревенская женщина, приехавшая помочь с младенцем, подхватила все справки-документы и резво скаталась в ЗАГС. Мама на выписке в обморок грохнулась, и я не шучу.

Папа ржал. Говорил, что Пульхерия лучше, чем Фёкла

или Параша какая-нибудь. От бабы Наи вполне можно было ждать, своеобразный очень человек.

Она наезжала в город короткими набегами, успевала проведать и одарить гостинцами со своего огорода всю многочисленную родню, а потом отправлялась в тур по подругам безбашенной юности, у них же оставалась ночевать и до самого отъезда её никто не видел.

Почему мне не переменяли имя сразу же на какое-нибудь обычное? Не знаю. Мама рассказывала, что очень хотела, но вечно что-то мешало, а потом махнули рукой, потому что я начала отзываться.

Необычное имя – прекрасный повод отточить и закалить характер, заодно в толпе бесчисленных Насть, Даш и Софий (самые модные и распространённые имена среди моих сверстниц!) не потеряешься.

В общем, я пискнуть не успела, как ящик «для бабы Наи» оказался на рейлинге моего внедорожника, а в салон и в нижний багажник отправились бабНаины заказы попроще. Она любила и умела вышивать бисером, кроме того, в деревню ехало всё то, что там достать было сложно. Удобрения. Семена. Сгущёнка в товарных количествах...

Вряд ли баба Ная сгущёнку собралась продавать. Раздаст так, скорее всего. Всё равно в одно лицо столько не сожрать даже за год.

Выехала я уже во второй половине дня. О бензине позаботилась, потому что Новогадюкино, понимать надо. Там бли-

жайшая заправка у чёрта на рогах! Не удивлюсь, что местные до сих пор на лошадях рассекают.

А по сути, если вдуматься, я у бабы Наи в гостях за всю свою жизнь не бывала ещё ни разу. В раннем детстве разве что. Что-то такое в памяти брезжило, про малину, большие махровые розовые цветы выше моей головы и наглых куриц под охраной бешеного петуха-генерала...

Навигатор вначале бодро вёл по указателям – поверните направо, через два километра снова направо... Почти сразу после съезда с КАД дорога ушла в сосновый лес, и я приоткрыла окно, чтобы насладиться хвойными фитонцидами. Всё-таки в городе не воздух, а сплошной угарный газ с небольшими прослойками воздуха. И то, машин с каждым годом всё больше, а пробки всё длиннее. Бедно живём: две машины на семью норма, три – уже не редкость.

Я владела отличной студией в новостройке, верхний этаж, панорамные окна, а какие великолепные закаты! Но сосновый лес неожиданно впечатлил. Сильнее, чем я хотела бы себе признаться.

Загородный дом? Наверное, стоит улечься в этом направлении. Где-нибудь на берегу залива, в сосновом бору... Фахверк под ключ, я даже знаю, к кому обратиться! Проблема в деньгах, как всегда. Их вначале надо заработать.

Вначале надо провести бабу Наю и быстренько вернуться обратно, к набранным на лето проектам. Деньги, в том числе и на фахверковый дом, они сами себя не заработают.

Разница между «провести» и «вернуться» огромна даже на семантическом уровне, но меня – тогда! – не насторожило ничто. Даже бесконечный лес, хотя он давным-давно должен был уже отступить от дороги. Согласно карте, за лесом шли поля агрохолдинга «Биоманс-Агро», но по факту их всё не было и не было.

Может, я пропустила поворот на Новогадюкино? Чёрт, разворачиваться теперь... через сплошную осевую...

А кто увидит?

Дорога пуста. Ни встречных, ни поперечных, ни знаков, ни спрятавшихся дпсников. Но стоит только совершить нарушение, как они мгновенно выйдут из сумрака, можете не сомневаться!

Я глянула на навигатор, и меня прокололо внезапным страхом: в чёрной глянцевой поверхности мёртвого экрана карикатурно отразилось моё собственное лицо. Вместо карты и указания точного местоположения.

Так.

Я съехала на обочину. Постучала по экрану, он не ожил. Осмотрела со всех сторон – никаких повреждений. Скорее всего, я не обратила внимания на уровень заряда аккумуляторов. Вот он и «помер». Вовремя, надо сказать. Сарказм.

Я полезла в сумочку. Ну да, повербанк я не захватила. Мо-

лодец. Я мысленно нарисовала у себя на лбу надпись «балда балдова, Улечка Хитрова», мысленно же плюнула, и обратилась к смартфону.

Заряд и на нём не впечатлил. Тридцать пять процентов. Ладно, зарядим у бабы Наи. Она всё равно без любимого ягодного чая не отпустит. Так, где у нас яндекс-карты...

Нет сети.

Вообще.

То есть, ни одной палки!

– Не смешно, – выговорила я вслух, разглядывая пустое окошко браузера.

Цифра заряда сменилась с тридцати пяти на тридцать четыре.

Возвращаться обратно очень не хотелось, тем более, что меня не отпускало ощущение, что я почти доехала, и поворот к бабНаиному подворью где-то совсем рядом, покажется из-за сосен буквально вот-вот.

Порыв ветра обдал лицо холодом. Я вдруг заметила, что над гигантскими кронами сосен расправили крылья перистые облака, а в створе дороги поднимается в небо зловещего вида туча. Только грозы мне сейчас не хватало!

Поэтому тарахтящему мимо синему трактору я обрадовалась как родному. Я махнула рукой, трактор остановился.

– Что, девка, заплутала? – добродушно спросил водитель.

Видно, было ему не впервой выручать заглохших или вот хоть лишившихся подсказок навигатора городских.

А я вдруг почувствовала, что схожу с ума.
За рулём трактора сидел скелет.

Я встряхнула головой, больно, со злым подвывертом ущипнула себя за руку так, что останется синяк. Скелет никуда не делся. Добродушно таращился на меня пустыми глазами и весело скалился. Зубы у него, кстати, были вовсе не жёлтые, наполовину сгнившие, как любят их рисовать во всяких артах про восставших мертвецов.

Ни черта подобного! Ослепительно-белые, на ум тут же явилось дурацкое определение «жемчужные». Никакого жемчуга в помине там не было, кто же будет в череп жемчужины втыкать!

А вдруг это просто розыгрыш? И мужик сейчас уберёт с морды лица маску черепа и заржёт надо мною?

– Не смешно, – сказала я на упреждение.

Тракторист прыгнул из кабины на асфальт, ощерился и протянул мне костистую руку:

– Петрович я.

Перчатки? Ладно, поиграем, с меня не убудет. Я пожала протянутую ладонь – чёрт, по ощущению, кости и есть, причём холодные!

– Пульхерия, – автоматически сказала я в ответ, что-то дёрнуло меня за язык назваться полным именем. – Вот, гостинец для бабы Наи везу...

А ещё запах. Я ожидала аромат свежеразрытой могилы,

прелой земли, не знаю, червей там каких-нибудь. Ничего подобного. От моего нового знакомого слабо пахло сеном и летним разнотравьем. Будто он и впрямь приехал с полей...

– Пульхерия, – одобрительно выговорил скелет. – Хорошее имя для ведьмы. Весемирна наша может внучкой гордиться. Так, ну что там у тебя? Сдохла твоя телега-все-четыре-колеса?

– Ничего не сдохла, – угрюмо выговорила я. – Я заблудилась...

Но на самом деле, тракторист Петрович определил беду верно: машина заглохла полностью, и завести её я не сумела.

Вот как так-то?! Только что сама лично руль крутила, съезжала на обочину.

В кабине трактора нашёлся трос.

– Не беда, – жизнерадостно заявил скелет. – Доставим в лучшем виде!

Порыв ветра кинул в лицо холодом. Я обнаружила, что чёрные грозовые тучи придвинулись ближе. В них уже полыхало, пока беззвучно, но впечатляюще.

– Ничего, успеем, если будем шевелиться, – обнадѣжил меня Петрович. – Полезай в кабину.

Я замаялась, и тогда он сурово нахмурился – вот ведь, скелет, а эмоции хорошо считываются, даром, что вместо лица сплошная кость с провалами глазниц и носа.

– Ты, девка, вот что, – строго сказал тракторист. – Ты тут вроде как в первый раз, так запомни: согласно Статуту о

магическом правопорядке мёртвые жизни тоже важны. Я-то ладно, сам выкопался, сам и живу, а вот те, что на госпожу Хан Дык работают, могут обидеться. И тогда прилетит тебе не по-божески, вот увидишь.

– А... а... а вас таких тут много, что ли? – опешила я.

– Да хватает, – отмахнулся тракторист. – Полезай в кабину, поехали. Не то под ливень как раз попадём.

Вот так и оказалась я в кабине синего трактора, с добродушным скелетом Петровичем, и потарахтели мы с ним вместе в сторону Новогадюкино.

В весёлые игры они тут играют. Скелеты. Госпожа Хан Дык. Корейское имечко или китайское? Местная олигархия, надо думать. С соответствующими замашками. Ну да ладно, мне ведь здесь не жить!

Обрадую бабу Наю и – обратно.

Гроза катилась за нами следом, но в какой-то момент свернула вдруг в сторону и, вместе с лесом, осталась справа и позади. С пронзительно-синего неба брызнул солнечный свет и ярко осветил бескрайние поля, на этот раз с подсолнухами. Не рановато ли для них, подумалось мне.

А впрочем, что я знала о подсолнухах? Я и про герань немного знала. Та, что торчала у меня в кадках на балконе, как-то сама разбиралась, когда и как ей цвести. Цвела, кста-

ти, хорошо, я не жаловалась.

Вспомнилось вдруг ещё. До того, как я окончательно перешла на удалёнку, мне в офисе постоянно подсовывали на стол всяких задохликов. Мол, у тебя рука лёгкая, оживут. Ничего я с ними не делала, если честно, даже поливать порой забывала, но умирающие растения в самом деле оживали. После чего сдохнуть больше не пытались.

Девчонки зубоскалили, мол, ты ведьма, Улька, я отгрызалась в том же тоне – на себя посмотрите, змеищи. Но вот этот скелет, Петрович, тоже назвал меня ведьмой с чего-то...

Не нравилась мне эта поездка к бабе Нае всё больше и больше. Мама сама бы и ехала, как будто у неё прав нет! И на её верхнем багажнике ящик-с-сюрпризом точно поместился бы тоже. Нет, она меня отправила. И глазки бегали, кстати говоря.

Она знала о скелетах и госпоже Хан Дык?

– Петрович, скажите-ка, а госпожа Хан Дык – это кто? – спросила я.

– Главный агроном «Биоманс-Агро», – охотно пояснил скелет.

– Ну спасибо, что не генеральный директор, – хмыкнула я.

– А генеральным там её старший сынок Кир.

– Что?!

Я уставилась на тракториста. А он оскалился на меня.

– Может, всё-таки Кирилл?

– Не-а. Кир.

– И оба некроманты? – уточнила я на всякий случай.

Играть, так играть. Если есть живой скелет, значит, должны быть и некроманты. Розыгрыш это всё равно! На Петровиче какой-то хитровыделанный костюм, обманывающий зрение! Скелеты трактора не водят, они в могилах лежат.

– Оба, – подтвердил Петрович. – С китежской лицензией. Шутки с ними плохи, так-то.

– Не смешно, – сквозь зубы процедила я.

– А уж нам тут как не смешно! – с досадой выговорил тракторист.

А дальше последовал горячий спич про агрохолдинги вообще и «Биоманс-Агро» в частности, про куркулей, жадоб и буржуев, которым закон не писан, потому что у них деньги есть. Простым фермерам житья не стало, лес распахиывают, землю насилуют – после десяти лет выращивания рапса или подсолнечника на одном и том же месте в той земле даже червидохнут, и вообще, где это видано, больше одного некроманта на округу! То, что это мать и сын, то есть, семью разлучать нельзя, Петровича не смутило:

– У них потом внуки и правнуки пойдут, вовек от погани не отделаемся!

Я остереглась влезать с вопросом, где же логика: если мёртвые жизни тоже важны и это закреплено законодательно, то некромантские жизни, наверное, важны тоже? Семейство Дыков вызывало у Петровича слишком яркие чувства. Начну вступаться, ещё монтировкой прилетит!

А вот поднимут потом меня некроманты или побрезгуют – уже вопрос. Сама я выкопаться, как Петрович, вряд ли смогу.

Да кой чёрт здесь происходит?!

Я понимаю, ролевые игры, реконструкция там, то-сё, но что-то оно приобретает совсем уже какой-то нездоровый оттенок!

Поля снова сменились лесом, а асфальт – разбитой грунтовкой. Вот только вместо сосен здесь стояли стеной громадные разлапистые ели, усыпанные шишками. Шишки густо валялись и по обочинам. Дорога сделала поворот, и я увидела огромный толстенный дуб. Как он попал в дурную компанию мрачных ёлок, не берусь даже представить себе. Но выглядело дерево внушительно.

За дубом снова пошли ёлки да ёлки, и – упс. Прямо на дороге развалилась громадная грязевая лужа в зеленовато-бурых пятнах. Ну, знаете, когда после дождя лужа подсохла, но ещё не совсем испарилась. В ней заводится всякое вот такое вот, желеобразное. Фу бя.

– И как мы тут проедем? – занервничала я.

Это сколько же здесь грязи, тонна, не меньше. Трактор, может, и пройдёт, но моя машина...

– Сейчас, – успокоил меня скелет.

Он остановил трактор, подхватил монтировку и уверенно подошёл к луже.

– Пшла вон, собачье семя.

Лужа нехорошо забурлила.

– Вон пошла, не то в «Биоманс-Агро» сдам на удобрения, тупая ты скотина!

Я вытаращила глаза и общипала себе все руки, но лужа реально поползла с дороги в сторону! Она бурлила и плевалась в сторону Петровича, но плевки летели без особого задора. Видно, монтировка в костистых руках внушала серьёзные опасения.

Через некоторое время лужа полностью скрылась под ёлками, а дорога, хоть и влажная, ничем уже не пугала.

– Что это такое было? – спросила я, когда Петрович вернулся в кабину.

– Грязевуха обыкновенная, – пояснил он. – Склочница, пьянь и дрянь, но некромантам её сдавать нечего. Дрянь, но своя, посконная. От неё польза большая: испанского слизня жрёт. Он на неё пачками ползёт, а она его жрёт. Знаешь, что такое испанский слизень?

Я помотала головой.

– Ну, узнаешь скоро. Гадость.

Я в этом даже не сомневалась. Трактор свернул влево, и я зажмурилась, ожидая столкновения с какой-нибудь гигантской елью. Но никакого столкновения не произошло. А вскоре показался и деревянный забор в деревенском стиле, с низанными на колышки трёхлитровыми стеклянными банками.

За забором, в глубине основательно запущенного сада,

виднелся деревянный, тёмный от времени, бок старого дома.
– Весемирна! – крикнул Петрович. – Гости к тебе! Встречай.

В ответ – тишина. Скелет грохнул кулаком в жестяное блюдо, висевшее рядом с калиткой. Звук вышел что надо – с крыши снялись вороны.

– Чего шумишь, окаянный? – недовольно выговорила баба Ная, появляясь из зарослей.

Я смотрела на неё и понимала, что уже основательно подзабыла, как она выглядит. Плотная, но не полная, женщина неопределённых лет (не юная, само собой, но и не согнутая в дугу старостью).

Хэллоуинская косынка на абсолютно чёрных волосах – оранжевая, с чёрными тыквами и любящимися скелетами! – розовые велосипедки, зелёная блузка с подвёрнутыми рукавами и какие-то безумные шлёпки ослепительно алого цвета. Вырви глаз забудь про зрение, называется.

Да, ко всему прочему, баба Ная горбоноса, как лицо кавказской национальности, зеленоглаза, как ведьма из славянского фэнтези, и смугла с оттенком в красное, как чистокровный индеец из американской резервации.

Баба Ная и в городе производила неизгладимое впечатление своим эпатажным видом, но здесь, в калитке деревенского дома в окружении мрачных ёлок, её вид вгонял в дрожь и ступор.

– Внучка к тебе приехала, гостинцы привезла!

– Ах, Улюшка! – суровое бабНаино лицо расплылось в счастливой улыбке. – Проходи, касатка, не стой на пороге! Ждала я тебя, уж не обессудь. Ждала!

Сейчас затащит в дом, там заставит выпить тонну чая и съесть гору оладьев/блинов, и до утра я с места не сдвинусь. Ну, уж нет! У меня другие планы!

– Баба Ная, – сказала я решительно. – Вот я твой заказ привезла. Давай сгрузим, и я обратно поеду!

Какое обратно, машина заглохла! Но я ничего про это не скажу, иначе баба Ная к оладьям/блинам резво добавит мясную жарёху, кулебяку с курником, жаренные с лучком грибы в широкой плошке, помидоры-огурцы только что с грядки, фаршированные перцы, солёные баклажаны, смородиновую настойку, – я сглотнула слюну, – короче, мне отсюда тогда до конца лета будет не вырваться.

– Давай сгрузим, – легко согласилась баба Ная, никак, впрочем, не комментируя моё желание свалить с её подворья побыстрее.

Скелет Петрович объехал необъятный забор, с помощью монтировки и такой-то матери пугнул развалившуюся перед гаражом очередную грязевуху, поменьше той, дорожной. Эта оказалась с гонором и без понимания, потому что оплевала меня с головы до ног!

Почему только меня?

А скелет и баба Ная, хорошо знакомые с повадками этих

поганок, успели отскочить!

Грязевуха, победно булькая, резво поползла под ёлки, оставляя после себя влажный слизистый след.

– Я тебе ужо, скотина! – кричал ей вслед Петрович, потрясая монтировкой. – Попадись мне ещё только.

– Без баньки-то не обойтись, – задумчиво отметила баба Ная.

– Какая банька! – завопила я, обречённо осознавая, что даже если я сейчас очень оперативно, часа примерно за три, вычищусь от зловонной грязи, вещи сохнуть будут минимум до утра. – Расплодили тут тварей!

– Она испанского слизня жрёт, – извиняющимся голосом сказала баба Ная.

– Да мне плевать, кого жрёт эта ваша поганая жижа! – орала я, страдая. – Вы на меня только посмотрите, на кого я похожа!

– Ты похожа на красивую девку, которую заплевала грязевуха, – рассудительно заметил Петрович. – Так ить не первая, да часом и не последняя. Другой раз будешь проворнее.

Я осознала, что любимая моя туника оверсайз промокла насквозь и прилипла к телу, то есть, я, можно сказать, стою сейчас всё равно, что голая, а этот... этот... этот костистый гад на меня пялится! Каково? Он же скелет!

Я лопнула от злости, но баба Ная не дала мне взорваться. Она резво взяла меня под руку и повлекла к дому.

– Я уж разгружу гостинец-то, – крикнул нам вслед Петро-

вич.

– Сделай милость, разгрузи, – откликнулась баба Ная. – Да приходи потом на вишнёвую.

Скелет? Вишнёвую наливку? Точно, розыгрыш! Никакой не скелет, раз алкоголь потребляет, все его кости с черепом вместе – это обман!

А грязевуха тогда что такое?! Тоже иллюзия? Но воняет-то от меня вовсе не иллюзорно!

Боги, куда я попала?!

ГЛАВА 2

Неутешительный прогноз сбылся на все сто. Заваленный снедью стол и безумно вкусный квас пригвоздили меня к лавке и не собирались отпускать. Промытые от грязевухиных плевков волосы одуряюще пахли ромашкой и календулой, перехваченная плетёным пояском холщовая рубаша необъятных размеров – великаны у баби Наи в доме гостили когда-то, что ли? – приятно прилегала к телу.

Скелет Петрович с азартом хлестал наливку. Баба Ная принесла и вишнёвую и смородиновую и даже лимонную. Ничего у Петровича сквозь рубашу не проливалось. Чтд, скелет он фальшивый. Хотя как человек, наверное, неплохой...

От вкуснейшей еды я разомлела совсем. Меня потащило в сон со страшной силой. Голова падала, я подпирала её кулаком, не помогало.

– Эк девку-то разморило, – заметил моё состояние Петрович.

– Ничего, – отвечала баба Ная. – По первости-то оно всегда так. Привыкнет.

Какая ещё вам первость, возмущённо подумала я. Свалю отсюда сразу же... как только проснусь...

Я ещё чувствовала, как меня вели по скрипучим половицам куда-то. Уложили в постель, накинули сшитое из лоскутков одеяло. Запахи трав, странно знакомые, смешивались в

сознании с волнами забвения. Ромашка... чабрец... мелисса с мятой... что-то ещё.

– От нехорошее ты творишь, Весемирна, – голос скелета доносился как будто из бочки. – Нельзя так.

– Откликнулась она, Петрович, – отвечала баба Ная печально и строго. – Да и по дороге не заплутала, а то как бы ты её встретил. Судьба у неё, видать, такая.

Крепко мне их разговор не понравился. Я хотела встать и потребовать объяснений, но сон держал цепко, размывая в себе и сознание и волю.

Через мгновение я уже крепко спала.

Снаружи стоял птичий гвалт до небес. Орала куры – их заполошное «кудах-тах-тах» долбило в виски не хуже отбойного молотка. Верещали всякие там воробьи-синицы-ласточки-зяблики... не разбираюсь. Но эта мелочь обычно в изобилии водится на деревьях и умолкает только к середине ночи.

Ну и кто сказал, что петух кричит «кукареку»?! В истошном «и-иии!» расслышать «кукареку» мог только человек с огромной фантазией. Особенно когда они выступают хором: один замолчал, второй подхватил, третий добавил, и так далее.

– Ор выше гор, – пробормотала я, натягивая на голову подушку вместе с одеялом. – Заткнитесь все, спать хочу...

Но в тот же миг я поняла, что спать уже не хочу нисколько. Выспалась! На удивление, качественно: в теле вскипала упругая радость. Хотелось вскочить, пробежаться босиком по траве, скатиться к ближайшей речке и нырнуть в омут.

Я села. Так, стоп. Какая трава, какой омут. Я где вообще? Почему на мне какая-то дурацкая длинная сорочка с оборками? И рукавами.

Петушинные вопли разбавил собачий вой. Может, волчий, трудно сказать.

Баба Ная! Я села, спустила босые ноги на пол, поставила локти на колени и взялась ладонями за виски. Где и когда бы ни появлялась наша баба Ная, вокруг неё сразу как-то само собой, без особых усилий, возникало застолье. Засолка, огурчики, грибочки, наливочка...

Но в гости к ней домой я ещё не попадала ни разу. И как-то не слышала, чтобы она кого-то приглашала, кстати. Все знали, что баба Ная живёт в медвежьих епелях, куда сложно добираться. Как она при этом умудрялась приезжать в город и одарять всех нас дарами своего огорода, да ещё в таком изобилии, что буквально никто не уходил обиженным, я как-то раньше не задумывалась.

Ладно, всё когда-нибудь случается в первый раз...

Ах, ты ж, чёрт, да меня же вчера скелет встретил! На тракторе!

Потом я вспомнила, как бодро скелет хлестал наливку, и успокоилась. Шутник местный. Как его там... Петрович!

Я подошла к окну, на удивление большому, что в высоту, что в ширину. В деревенских домах окна вроде бы должны быть маленькими, а здесь – ничего подобного. Правда, стекло не сплошное, а как бы сказать, рама такая – квадратами. Створки можно открыть целиком – на каждой из них по восемь квадратов, – а можно только верхний сегмент. Форточку, так сказать.

Она как раз и была открыта, отчего в комнату и набивался птичий базар. Никакой звукоизоляции.

– Ду! Ду хаст! – взревело с той стороны, где за деревьями виднелся деревянный бок какой-то хозяйственной постройки. – Ду хаст! Ду хаст мих!

Я села там, где стояла. Под попу подвернулся какой-то лавкосундук, вот на него и села!

Голос ничуть не напоминал Тиля Линдемманна, треснутый и дребезжащий, как старая заезженная пластинка. Но экспрессия и громкость были те же самые.

В стену постройки что-то грохнуло, и грозный бабНаин голос велел «окаянной куре» заткнуться, иначе даль её певческой карьеры будет проста, ясна и понятна: суп. С потрошками!

Кура понизила голос и сварливо сообщила, что «волшебные жизни тоже важны» и что баба Ная «никаких прав на живодёрство не имеет». Продолжения концерта, впрочем, не последовало. Угроза супом подействовала.

Я кинулась по комнате, разыскивая, во что бы одеться.

Длинная до пят ночнушка не вдохновляла выскакивать наружу. Ничего не нашла, плюнула, побежала так. Бабу Наю срочно следовало поймать, а то у неё реактивный двигатель не скажу в каком месте: сейчас она у сарая, а через мгновение уже один чёрт знает где. У неё, наверное, СДВГ был в детстве, но тогда таких диагнозов не ставили и, естественно, не лечили. Вот и выросло то, что выросло.

На крыльце я сунула ноги в первую попавшуюся обувь и побежала на задний двор. Утоптанная тропинка, выложенная красным, давным-давно утонувшим в земле, кирпичом, сквозь которой весело пробивался спорыш, привела меня к гаражу.

Слева действительно стоял курятник. В нём оглушительно вопили своё «кудах-тах-тах», хвастаясь недавно снесёнными яйцами, красные куры. Где-то на крыше, под ветвями старых деревьев с необъятными стволами вдруг завозило, захлопало крыльями и зловеще заухало «угу-ху, угу-ху, угу-ху». Филин там, что ли? Или сова.

За забором стояли стеной громадные, усыпанные шишками, пирамидальные ели. И где-то в ветвях, высоко-высоко, угадывалось пронзительно-синее небо с жарким солнцем в зените...

Сколько же я проспала? Вечер, ночь, и, судя по солнцу, целых полдня.

Дверь в гараж оказалась не заперта. После дневного света внутри оказалось темно, как в погребке. Дохнуло в лицо хо-

лодом – где-то тут находился погреб, в нём ещё с прошлого-годового урожая сохранялись в загородках с песком картошка, морковь и прочие овощи.

Откуда я это знаю?

Мысль встревожила, но не задержалась в сознании, потому что...

Ворота гаража были распахнуты настежь! А перед ним стоял чудовищного вида мотоцикл, чёрный, как конь у одного из всадников Апокалипсиса. На заднем сиденье приторочена была громадная клетчатая сумка, а сама баба Ная уже перекинула ногу через седло.

Кожаные штаны. Кожаная рубаха. Боги, косуха какая-то, с цепями! Рыжая бандана с любвеобильными скелетами. Мрачный зелёный огонь в глазах.

– Баба Ная, – заикаясь выговорила я. – Эт-то что?! Ты чего?!

– Прости, внученька, – неожиданно виноватым голосом выговорила она. – Вишь ты, ехать мне надо. На пионерский слёт... ой, то есть, шабаш. Ты уж, будь добра, последи за подворьем-то. Чужих никого через порог не води, корм курочкам да воду им же – не пропускай, грязевушек не обижай, они...

– ... испанского слизня жрут, – dokonчила я за ней. – Нет, баба Ная, я на такое не подписывалась! Ты просила тебе заказы привезти, я привезла. А теперь я возвращаюсь домой! У меня контракты! У меня работа! У меня...

... судьба, – строго поправила меня баба Ная. – Судьба у тебя, Улюшка. Не всякому доверяй. Не спеши через порог звать, присмотришься сперва, что за лихо припожаловало.

Прощается она со мной, что ли? Ужас поднимался откуда-то изнутри, стискивал холодными пальцами горло. Баба Ная, ты чего?!

А вообще, надо было бросаться на неё и стаскивать с поганого мотоцикла, пусть даже ценой переломов, но я не сообразила, я думала, баба Ная мне ещё что-нибудь скажет. Потому что не чужая я ведь ей всё-таки! И вообще.

Но баба Ная резко, без лишних слов, врубила газ, чёрное чудовище под нею взревело и ломанулось прочь по дороге с адской скоростью. Навстречу ползла грязевуха, и будь это я на своей машине, плевала бы склизкая тварь на меня из всех сил! Но от колёс бабы Наи она шарахнулась, поджимая края, с резвостью истребителя на форсаже, и сгинула под ёлкой за мгновение до того, как по ней проехали на полной скорости.

– Баба Ная! – завопила я вслед в полном отчаянии. – Вернись!

Звук мотора стремительно затихал вдали.

Я обречённо поняла: всё. Я попала. И пропала. Мне никогда не выбраться из бабНаиноного дома, пока она назад не вернётся. Потому что машина заглохла! Я знала, она не заведётся. Да, я попробую прямо сейчас, но...

Не завелась.

«Пешком уйду! – злобно решила я. – Я не подписывалась смотреть за поганой развалюхой! Уговор был, что заказ отвезу, и всё!»

Но в глубине души лежала ледяным камнем твёрдая уверенность: не уйду я никуда. Не получится. Не отпустит меня дом бабы Наи. Грязевухи соберутся в коллективное болото и разлягутся на дороге, а скелет Петрович на тракторе погонится и назад приволочет. Может, и ещё что-нибудь случится.

Ну, баба Ная, вернёшься ты обратно, я не смолчу! Всё скажу, что о тебе думаю, трёхэтажно и с боцманским да петровским загибом! Неважно, что текст загиба дословно я не помню. Что не помню – то додумаю! Мало не покажется.

Из-под ёлки показался краешек грязевухи. Он полежал тихонько, словно вынюхивая, не появится ли откуда ревуший мотоцикл. А потом за ним потянулась сама плевательница. И не в лес, а в мою сторону. О, нет! Не надо мне такого счастья!

Я подскочила к створке ворот и потянула её на себя. Срочно закрыть! В гараж эта дрянь не полезет, тут всё же пахнет бензином, но заплевать меня с расстояния – легко, вон пузырится-то уже как, не иначе, от радостного предвкушения вновь устроить мне грязевой душ.

Я успела.

А потом сползла по воротам вниз, не замечая, что пачкаю светлую сорочку о грязный, в пыли, пол, и закрыла лицо ру-

ками, в полном отчаянии не представляя себе, что же мне теперь делать дальше.

Попала.

И пропала.

С концами!

Сидеть в пыли бесконечно не будешь. Я решила вернуться в дом и для начала хотя бы выпить воды, а потом уже уходить отсюда хоть пешком.

Мне вспомнилась грязевуха на дороге, и я вздрогнула. Их тут минимум три, та, большая, вчерашняя и эта, что ждёт меня за гаражом. Плюются они метко. И пройти по себе, пусть даже в кирзовых сапогах, попросту не позволят.

Что за твари! Откуда они тут взялись? Скелет Петрович угрожал одной такой сдать её некромантам на удобрения, и та свою грязь мгновенно поджала.

Некроманты ещё. И другие скелеты. Петрович чётко сказал, что есть и другие. Работают на госпожу Хан Дык. У которой есть сыночек Кир. Чудесное имечко, очень к фамилии подходит!

Твою ж мать, а. Как же мне отсюда выбраться?!

Я вышла из гаража и окунулась в знойный полдень. В кустах трещали цикады, в деревьях орали птицы, вопили куры, им вторили петухи, где-то, отсюда было не видно, дрались

коты – завывания оттуда неслись очень уж злобные, похоже, дошло уже до когтей.

Пахло цветущим разнотравьем, шиповником, почему-то болотом, от курятника исходило изысканное амбре птичьего помёта.

А на дорожке прямо передо мной лежала какашка тошнотного коричневато-бурого цвета. Буэ. Кто успел? Кто посмел?!

За деревянным забором произошло шевеление. Я обмерла: там торчал... волк. Самый обыкновенный серый. А может, хаски? Пускай будет хаски, а?

– Это ты нагадил? – пошла я в нападение, судорожно разыскивая взглядом ближайшую лопату, грабли, тяпку, – что-нибудь, короче, чем можно залепить мохнатому в лоб.

Если уж и сожрёт, то не за просто так!

Волк сел на по-летнему ободранный хвост и вывесил язык. Так он и сознался, как же.

– И что мне теперь делать? – от брезгливости начало подташнивать.

Но тут какашка вдруг высунула рожки и поползла. В мою, сволочь, сторону!

Я завизжала и шарахнулась с дорожки.

– Чего голосишь, балда? – недружелюбно спросили меня из-за забора.

– Что это такое? – я не разбиралась, кто спрашивал, хотя, кроме волка, за забором буквально минуту назад никого не

было. – Что это?! А-а-а-а!

– Слизень, – просветили меня. – Испанский. Возьми его в банку, потом какой-нибудь грязевухе скормишь. Не дави, да не дави ты его, дура! Раздавишь – из него яйца высыплются, и вместо одного у тебя во дворе через неделю появится сотня. Живьём в банку сажай.

Банка нашлась на колышке забора, а вот загнать туда слизня удалось не сразу. Прикасаться к нему руками я отчаянно не желала, при одном взгляде на него возникали рвотные позывы. Наконец, содрогаясь от омерзения, я справилась с проклятой тварью.

– На, – я протянула банку через забор советчику. – Отдай какой-нибудь грязевухе!

– Ну, нет, кто поймал, тот и лишает жизни, – открестился от почётной задачи тот.

А я присмотрелась к нему как следует. Мальчишка. Лет шестнадцати, русые волосы лохмами, глаза – зелёные и наглые. Одет в светлую хлопковую рубашу и такие же шорты по колено, босой, ноги грязные, будто по грязевухе прыгал. Почему только она его целиком не заплевала, с головы до ног, вопрос. Откуда он тут взяться успел, не было же никого!

– Ты кто? – спросила я у него.

– Так Иван, – назвался тот. – Бабы Ванги внук, через два подворья от твоего живу.

– Ванги? – поразилась я. – Она ж умерла!

– Кто умерла, баба Ванга? – прыснул пацан в кулачок. – Живее всех живых!

Конечно, это вовсе слепая прорицательница из Болгарии, подумалось мне. Просто имя совпало, бывает. А может, кто-то из родни таким нагротил. Как меня называли Пульхерией!

– К Наине Весемировне приехала, привезла ей заказ, – хмуро ответила я. – А она – на мотоцикл и свалила куда-то! Вот дождусь её, и уеду, так что на знакомство не рассчитывай, Иван. Я здесь ненадолго. И что смешного?

Улыбка Ивана, от уха до уха, мне не понравилась. Пацан будто знал что-то, о чём забыли рассказать мне Петрович с бабой Наей. И точно.

– Да кто в Новогадюкино попал, тот пропал! – жизнерадостно объяснил мальчишка. – Обратного хода отсюда нет.

– Да ну, – не поверила я.

Иван собрался было просветить, в чём я ошибаюсь, но тут откуда-то из-за ёлок выступила мощная фигура бой-женщины, настоящей великанши, из тех, кто и в избу горящую, и коня на скаку, и бездельную молодёжь, отлынивающую от работы!

– Вот ты где ошиваешься, окаянный! В огороде картошка не копана, в саду груши не подвязаны! А он здесь, глаза свои бесстыжие на чужую девку выблумил!

Очень мне это не понравилось. Это вот «чужая девка», знаете ли. Я понимаю, деревня, где все знают о всех, да поди ещё все со всеми породнились, но так уж прямо «чужая»...

С чего чужая, если баба Ная мне...

А кто мне баба Ная?

Я вдруг задумалась. Не прямая бабушка – то есть, не мать моей мамы и не мать моего отца, никто из моих родителей её мамой-то не называл. Двоюродная? А может, и вовсе не бабушка.

Иван тем временем пискнуть не успел, как был схвачен за ухо цепкими пальцами:

– А ну во двор иди и делай, что тебе было велено, неслух!

Ухо отпустили вместе с мощным пинком коленом под мягкую точку. Парень благоразумно дал стрекача, только пятки засверкали.

– Молодь бесстыжая, – плюнула ему вслед богатырша. – Беспрочее! Работы не дождёшься, так и норовят сбежать да лень свою от души потешить.

Наверное, это и была та самая баба Ванга, других вариантов у меня в голове не возникло. Но бабой её назвать... Такое себе. Терминаторша на пенсии, не иначе. Кулаки – во! Из-под косынки спускалась на могучую грудь толстенная коса, русая, светло-русая, как у внука.

– А ты-то чья будешь? – обратила на меня взгляд богатырша. – Что на Наинином дворе делаешь?

ГЛАВА 3

– Я привезла бабе Нае заказ, – ответила я, чувствуя, что повторяюсь.

Но что было делать? Врать ни к чему. Смысл имеет только правда.

– Уехала, говоришь? – баба Ванга подошла ближе к забору.

Вблизи её лицо пугало какой-то звериной мощностью. Не те слова, знаю, но от неё реально исходило нечто яростное, дикое. Будто в клетку посадили, но прутья подгнили, а замок проржавел. Вот-вот падут! И тогда...

Карие с прозеленью у зрачка глаза смотрели ясно и пронзительно. Никак такие глаза не вязались с внешностью пенсионерки!

– Да, – ответила я на вопрос, стараясь не отводить взгляда.

Почему-то мне показалось, что гляделки тут должна сыграть именно я. Я на своём подворье, а бабка – за оградой. Я тут хозяйка, а она мимо шла!

– И не сказала, когда вернётся? – продолжился допрос.

– Не сказала.

– Ну, значит, не вернётся, – кивнула баба Ванга удовлетворённо. – Ты теперь за неё. Как звать-то тебя?

– Пульхерия, – я сама не заметила, как выговорила своё имя, хотя, спрашивается, зачем? – Уля, то есть.

– Хорошее имя, – одобряюще покивала она. – Ну, осваивайся тут, баба Уля. Ты здесь надолго.

Повернулась и пошла прочь. Я переварила её слова, и они мне очень не понравились. То есть, как-то баба Ная не вернётся?!!

Взгляд мой упал на банку со слизнем. Фу, ну и гадость!

Я прошла в гараж, осторожно высунула нос – где грязевуха? Вроде не видно. Тогда я вытряхнула слизня под ближайшую ёлку, может, вредная лужа отлёживается где-нибудь неподалёку, чтобы под солнце не попадать.

От бабНаиноного дома дорога, она же улица, как я понимаю, уходила влево и терялась между ёлками. Я подумала, что у них тут наверняка есть какой-нибудь сельсовет, не может не быть. Пойду туда, чтобы оттуда позвонить, а то здесь сеть не ловит нисколько.

Ясное дело, медвежьи епены, сотовая связь сюда не добралась. Просто удивительно, как ещё в стране сохранились такие первозданные острова дикой жизни.

Позвоню маме с папой. Пусть заберут отсюда! А баба Ная пускай как хочет. Зачем было творить такую дичь! Свалила на следующий же день, а мне что делать с её огородом? Я разве умею? Да ещё слизи эти...

Я вернулась в дом, быстро собралась. Одежда высохла, правда, я не нашла, чем прогладить её. Чудовище с местом для горящих углей я за уютюг считать отказалась. Но, похоже, во всём доме никакого электричества в помине не было.

Ни розеток, ни даже намёка на розетки. А как же мне тогда зарядить смартфон?! Пятнадцать процентов всего осталось! Беда.

Позвоню из сельсовета. И пусть меня отсюда заберут к чертям собачьим! Имела я в виду такое лето, раком кверху в бабНаином огороде.

Слова бабы Ванги «осваивайся, ты тут надолго» я предположила гнать из сознания поганой метлой. Какое надолго! Чёрта вот им с два – надолго!

За тихо скрипнувшей калиткой я обернулась. Дом стоял в тени деревьев, тёмный от времени, но не мрачный, а как бы так сказать... Добротный, старый, повидавший на своём веку немало. Чем дольше я смотрела на него, тем сильнее мне казалось, будто и дом на меня смотрит. Не с укоризной и осуждающе, как могло бы быть, а... С сожалением, что ли?

Мол, не по уму наследство девчонке досталось, да что ж теперь сделаешь. Измельчало племя в наше время. Вот веком раньше... А лучше двумя...

– Тьфу, – плюнула я, сгоняя наваждение, и пошла по дороге, не зная толком, куда приду.

Может, другой дом увижу, а там спрошу, подумалось мне. Как-то же надо выбираться отсюда!

Проблема в том, что я не помнила, куда скелет Петрович с трассы трактор повернул, на восток или на запад? Убейте меня тапочками! Я всегда чётко знала, где находится север, сбить меня с толку было невозможно. Хоть в городе, хоть на

дороге. А тут...

То есть, хочу сказать, что сейчас тоже понимала, где север, и что слева будет запад, т.к. солнце постепенно переваливало туда, к закату. Но это здесь. А вот в моменте схода с трассы на грунтовку? Куда мы свернули?

На восток или на запад?

Надо карту посмотреть, привязаться к местности. Должна же быть карта окружающей местности в Новогадюкинском сельпо?! Хотя какая-нибудь. Налоги они как платят? Курочек-свинину-яйца куда возят сбывать?

Я плюнула и решила идти, куда иду. Назад дорогу я найду всегда, я хорошо её чувствовала, даже с закрытыми глазами. Положение дома бабы Наи относительно меня горело в сознании красной лампочкой. Чудно, но пойдёт. За неимением лучшего.

Дорога шла мимо мрачных елей. Под их развесистыми лапами иногда что-то пузырилось и булькало – грязевухи, должно быть. Но на белый свет они не выползали. Оттого, что стоял полуденный зной, решила я, и порадовалась кепке, которую у меня хватило ума надеть перед тем, как выйти за калитку.

Ёлки закончились внезапно, и я шагнула между последними деревьями как в гигантские распахнутые ворота. Передо мной раскрылся огромный простор сельскохозяйственных подсолнуховых полей под пронзительно-синим небом.

А за полями, вдали, виднелись красные крыши домов. Похоже, администрация, магазин, почта, сельский клуб и несколько двухэтажек...

Розетки-то у них тут наверняка есть! Хотя какие-то. Подзаряжу телефон, дозвонюсь, и заберут меня отсюда мама с папой, а баба Ная в другой раз пусть думает прежде, чем вот так прикалываться.

Ну, баба Ная! Сесть на мотоцикл и свалить в сиреневую даль! Без объяснений и обещаний вернуться в ближайшие дни. Возмутительно.

Подсолнуховое поле внезапно сменилось бахчой. Урожай в этом году удался отменным: ни один из лежавших на поле арбузов я совершенно точно не подниму. Я его и руками-то охватить не сумею. Здоровенные все!

А потом мне снова пришлось щипать себя за руки и тереть глаза: на краю бахчи стоял веселёнький синий трактор с прицепом. Работники, складывающие арбузы в прицеп, все, как на подбор, были скелетами!

Да, ещё водитель, сидевший за рулём как вкопанный. Тоже скелет!

Та-ак. Мёртвые жизни тоже важны, да, Петрович? Особенно те, что на госпожу Хан Дык работают. А удобненько хозяйка-некромант устроилась: жара и солнце скелетам ни почём, одежда им не нужна, еда-питьё тоже, ночью они наверняка не спят, то есть, работают. Да и зарплату им вряд ли платят. Начнут возмущаться – упокоят, да и всё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.